

Николай Павлович Мидов – один из старейших нижегородских художников, график Божией милостью. Ещё в семидесятые годы прошлого века я слышал от знакомых художников только самые возвышенные отзывы и о его творчестве, и о нём самом, как о человеке глубоко мыслящем. Познакомились мы в первый раз где-то в восьмидесятых годах, но это было мимолётно. И вот только уже в новом веке свела нас судьба друг с другом по-настоящему. За чаепитиями в мастерской, слушая рассказы и рассуждения Николая Павловича, я всё думал, перефразируя известные строки, из какого же «сора» растут художники. Тяжелейшая судьба, жизненные невзгоды «выковали» в итоге удивительной доброты и щедрости, теплоты и сопереживания, истинной глубокой веры и бесконечного служения искусству человека. Всё наперекор невзгодам, испытаниям, времени.

Работы его, которые я сначала видел в оформленных Мидовым книгах Волго-Вятского книжного издательства, на областных художественных выставках, а затем в огромном количестве в мастерской художника – это гимн жизни, гимн любви к человеку. Невысокого роста, коренастого телосложения и с тихим голосом, этот человек, как непоколебимая твердыня, стоит на своих жизненных нравственных принципах, и заставить его изменить их, тихо, почти незаметно недавно отметившего свой восьмидесятилетний юбилей, не в состоянии никакая сила.

Однажды Николай Павлович поделился со мной воспоминаниями о том, как в Нижнем Новгороде (тогда городе Горьком) 9 мая 1945 года узнали о нашей Победе в войне.

– По Московскому шоссе машины могли проехать только очень медленно. Дорога, все улицы заполнены людьми – они поют, пляшут, играют на гармошках. Гармошки звучат повсюду. Великий праздник! Я тоже радовался, а потом попытался увидеть (каким-то внутренним, духовным зрением), что же нас ждёт впереди. И понял, что ничего хорошего. Бедна! И так мне стало горько, что я заплакал. Мне бы надо было вылакаться, но сестра затеребила – что с тобой, что случилось? Я вырвался из её рук и убежал. Мне, мальчишке, тогда открылось, я понял, что впереди нас теперь ждёт тяжёлая жизнь уже без ожидания праздника.

Меня и раньше всегда поражали (поражают и теперь) естественная чистота и исповедальность рассказов Мидова. Никакой рисовки, никакого желания понравиться или как-то поразить собеседника. Только искренность, граничащая с детским, беззащитным откровением. Николай Павлович не знал, что я записываю на диктофон этот наш разговор. Потом, когда дело было уже сделано, я сознался. Он не обиделся. Только посетовал, что, наверно, наговорил всяких глупостей. Я заверил его в обратном. Кажется, он не очень со мной согласился.

Валерий Сдобняков. Николай Павлович, Нижегородская земля для вас родная, или вы из пришлых?

Николай Мидов. Нет, я коренной нижегородец, жил всегда в Канавине, на левом берегу Оки при слиянии её с Волгой, но родовое гнездо моих родителей – село Серково тогда Работкинского (теперь Кстовского) района Ляпинского сельсовета Нижегородской губернии.

В. С. Много детей было в семье?

Н.М. Пятеро. Потом у маминого брата Василия Ивановича умерла жена. Сам он был на фронте, сиротами осталось трое детей – старший сын Николай да две дочери Галина и Альбина. Мамин отец Иван Полянин посовещался со всеми родными – что делать-то? В итоге решили, что в детдом отдавать ребят жалко, как они там будут жить одни, и наша мама взяла их к себе. Так у нас в семье стало восемь детей. Летом мы жили в деревне. В 1942 году всё лето нас бомбили немцы. Просто крошили, изничтожали без перерыва.

В.С. Так часто налетала немецкая авиация?

Н.М. Каждую ночь. Это было так мучительно. Особенно осенью – прожектора горят, разрывы зенитных снарядов сверкают. Всё небо грохочет.

В.С. Немцы, наверно, выходили к Волге, как к ориентиру и далее летели вдоль неё бомбить Горький.

Н.М. Бомбили они в основном автозавод и немного наш 92-й, теперь он называется машиностроительным, завод. Но летом мы жили в деревне, поэтому как бомбили город, не видели. Кстати, там, в деревне, кажется, в 1943 году, председатель колхоза организовал из нас мальчишечью бригаду. Тогда много приехало ребят из города, да и местных бегало немало, а мужчин почти не осталось, работать некому. Трудились в колхозе в основном женщины. И наша «мелкая» бригада помогала взрослым: возили дрова – весь сушняк выбирали, после нас лес оставался абсолютно чистым. Дрова возили на тачке. Колёса у неё были высокие от сеяки. Кто постарше вставали в оглобли, а все остальные тянули за верёвки, привязанные к оси. Дров наваживали на ферму, в школу, а потом по домам немощным старушкам, многодетным семьям. Так мы за лето всех обеспечивали дровами. Меня-то сначала не брали – мал ростом. Мне тогда было одиннадцать годов. Но и мне хотелось работать, хотелось быть взрослым. Ребятишки наши уже косить начинали, а я оказывался в стороне. И всё-таки они записали меня в свою бригаду. А платили за работу бабушке Екатерине Евграфовне один трудовень за нас двоих. Конечно, собирали в лесу и орехи, грибы. Но больше всё-таки яблоки. Сады у нас были большие, урожаи хорошие. Потом ещё ведь налог – с каждого двора шесть десятков яиц. Причём есть у вас куры или нет – это никого не интересовало. Сдать налог надо обязательно. Война! И мы покупали эти яйца у соседей, как-то выкручивались.

В.С. Шесть десятков яиц в год?

Н.М. Наверно, да. Вообще, в войну досталось женщинам и старикам. В деревнях всё на их плечах было.

В.С. Осенью вы возвращались в город?

Н.М. Знаете, один раз даже зимовали в деревне. Как раз в 1942 году. Тогда нагнали людей из города, чтобы копать оборонительные рвы. А изба маленькая, в три окна. Когда спать ложились, то весь пол был занят людьми. Лежали вповалку, где только можно. Глубочайшие рвы, пулемётные гнёзда заканчивали рыть уже в морозы. Землю долбили ломом. Было организовано сторожевое дежурство. К шести прибита фанерка. Этот шест устанавливался у чьей-то избы. Значит, в эту ночь они

В приемный горенкополкома

В приемной горенкополкома

На приеме
Горенкополкома

сторожили деревню. На следующий день шесть переносили к следующей избе. Если в ней жили немощные старики, то переносили дальше. Всю ночь по деревне ходил человек и стучал в колотушку – это такая липовая дощечка, и к ней на верёвке прикреплён деревянный шар. И вот человек ходит, постукивает, и все слышат, что всё нормально, сторож на посту.

В.С. В Нижнем Новгороде как война запомнилась, кроме бомбёжек?

Н.М. Да всяко. Мы же брошенные были мальчишки. Жили сами по себе. Гимназия-то мужская, дисциплины никакой. У нас были учителя ещё старой закалки, пожилые, вели они в нашем классе математику и пение. А класс – это сорок пять отъявленных разбойников. На уме одни рогатки, да такие мощные, что когда из них попадали в голову, то было так больно, словно череп пробило. И вот учитель входит в класс, а там уже война кипит, открывает журнал, достаёт смычок, канифолит его, достаёт из футляра скрипку и, не обращая на всё наше безобразие внимания, настраивает инструмент и начинает играть «Степь да степь кругом». Зимой я отучился в школе в Молитовке – теперь эту школу разрушили. Но тогда она была новая, со спортивным залом, большой кочегаркой, и мы с сестрой жили прямо при школе. Помню, осенью соблюдали светомаскировку, кругом темнота, а пароходы по Оке шли в Молитовский загон на зимовку, и так они тоскливо гудели, так они своим печальным рёвом душу рвали (а команды в основном состояли из женщин, девчонок совсем), что сердце схватывало. Притащили эти пароходы деревянные баржи с дровами – напыленные метровые поленья не очень большие в диаметре. В баржах вода, дрова плавают. Два шкипера баграми достают их и подтягивают к нам, а мы, ученики, их носили на берег к нашей кочегарке. Руки мокрые, заledenели, а никуда не денешься, надо таскать. Физруком у нас был раненый военный. После госпиталя его прислали пока к нам – сразу на фронт нельзя было отсылать, нужно было окрепнуть. Так он нас по залу строем водил и заставлял петь «Наверх вы, товарищи, все по местам...». И это нам так нравилось, так у нас хорошо получалось петь.

В.С. Под бомбёжку попадали?

Н.М. Рядом со школой был трёхподъездный четырёхэтажный жилой дом. Он остался ещё от дореволюционного льнокомбината. И вот немецкие самолёты подвешивают факелы, видят, что стоит дом, и бомбят его. Столько тогда народу погибло. А мы, мальчишки, после каждой бомбёжки осколки собирали – рваные куски металла с кристаллическими краями, которые сильно пахли порохом. И ещё помню, как бомбили новую зону. Мы, дети, сидели на крыльце с навязанными узлами – женщины, они же не понимают, что опасно, а до бомбоубежища бежать далеко. В землю впиваются, по крыше стучат осколки. Недалеко от нашего дома была казарма военных. Я лежу на узле, и вот вижу – взрыв бомбы, зарево освещает этот дом, и он, вроде бы, как наклоняется, а потом становится на место. Утром побежали смотреть воронки, а земля в них красная – как глиняный горшок. Но главным развлечением для нас были свалки военной техники. У некоторых ребят матери работали на маслокомбинате, и приносили оттуда немного еды – в основном жареную сою и дурынду – это когда семечки подсолнуха на прессе отжимают, и вот то, что остаётся, называется дурындой. А у нас-то ничего нет. Вот мы и промышляли на свалках, чего-то там добывали и меняли на еду. Вообще, таких свалок было три – 92-го завода, артиллерийская, Вторчермета, там было всё – танки, карабины, и Цветмет – там самолёты, гильзы, патроны. И вот как-то на первой свалке мы ползём с мальчишками, а наблюдающий вдруг кричит: «Атанда!» Я рванул вперёд. Там горы пушек, лазов много кто меня найдёт. А мне больно уж хотелось прицел с пушки скрутить, чтобы через него, как в подзорную трубу смотреть на звёзды.

Это было моей мечтой. Ну вот – я юркнул в эти лазы и замер. Вдоль железной дороги, по которой привозили покорёженные орудия, была тропинка, усыпанная металлической стружкой. И вот слышу, как она хрустит под ногами охранника. Видимо, это была женщина небольшого росточка. Потому что на ней были ботинки, а вместо обмоток кожаные ботфорты. И вот эти ботиночки недалеко от меня топчутся, а рядом с ними и приклад. Но всё минуло. Я лежу и вижу снаряд совершенно невероятных размеров – обтянутой медными кольцами и такой тяжёлый, что даже земля под ним просела. И я думаю – какая же это нужна сила, чтобы такую тяжесть бросить далеко-далеко. На Вторчермете главным было найти патрон. Там стояла целая поленица из карабинов. Все приклады отломаны. И вот осторожно перебираешь эти карабины, берёшь с этой поленицы первый с краю, передёргиваешь затвор. Пусто. Берёшь следующий. И главное, прислушиваешься – чтобы тебя никто врасплох не застал, не обнаружил. Так перебираешь эту поленицу и вдруг открываешь затвор, а там полный магазин патронов – пять штук или с зелёными головками, или с красными – разрывные или трассирующие! Везение!!! И тут уж больше ничего не надо, большая удача, бежишь обратно.

В.С. В чём же удача? В костёр патрон бросить?

Н.М. Нет. Это же всё можно было поменять на еду. Даже у простых патронов мы выковыривали пули и меняли их на кусочек дурынды. Хотя теперь мне трудно объяснить, зачем всё это было нужно мальчишкам.

В.С. Для игр. Кстати, у вас ещё-то в детстве были какие-то увлечения?

Н.М. Зимой катались по дорогам, прицепляясь за машины. Причём ведь всю войну эти дороги никто не чистил. Выпадет снег, образуется месиво, которое в мороз застывает. Машины немного всё это своими колёсами сгладят, и вся дорога становится скользкими ледяными волнами. Вот по этим волнам мы и катались на коньках, зацепившись крючком за борт машины. Очень опасно, трудно было устоять. Но этот риск объяснялся только одним – если кто-то может, то и ты должен смочь то же самое сделать. Это было воспитание в себе возможности побороть страх, доказательство, что и ты не хуже других. А как всё происходило. На заводе «Красный якорь» делали цепи. Мы брали целый пучок цепей мелкого звена, сгибали из проволоки крючок, и к нему цеплялась гроздь мальчишек. Хвост получался длинный, его болтает из стороны в сторону. Тут главное не попасть на встречную полосу, не потерять равновесие, не упасть. Упадёт один – и куча мала. Тут уж всё что угодно может быть. Вот такие забавы.

В.С. Как же после этих забав пришло желание рисовать? Или всё произошло естественно?

Н.М. Я плохо учился. Но самым любимым для меня было путешествовать по карте. Какой бы урок ни шёл, я открывал карту и искал на ней обозначения неведомых для себя городов. Представлял, какие они красивые, какие люди в них живут. И вдруг до сознания доходит крик учителя – повтори! Я молчу. «Где ты был, пока мы новую тему разбирали?!» В итоге в журнале «Гуся». Затем пришла весна, стали прогуливать (это было интересно – гуляли по городу пешком, смотрели, как пленные немцы строят Чкаловскую лестницу), и таким образом я доучился до того, что умудрился в седьмом классе за год получить девять двоек из одиннадцати предметов. За это меня исключили из школы, и я пошёл устраиваться на завод. Вся проблема в том, что мне ещё не было шестнадцати лет. Но на «Красном якорь» работали кузнецы из-за Волги – из Красной рамени, Чёрной рамени, Рожнова – в этих местах испокон веков были кузнецы. И они своих детей с раннего возраста приучали к этому ремеслу и могли

их к себе на завод устроить ещё до получения паспорта. Вот дядя Саша Вдовин, наш хороший знакомый, меня и пристроил на завод учеником фрезеровщика.

В.С. Долго там пришлось поработать?

Н.М. Года три. Потом опять стал прогуливать. Мне устроили бучу. А ведь лето. На Оке, где набережная Марата, была ярмарка, стояли фанерные киоски, внизу лодки на воде. На одной из пристаней шкипером работал молодой парень. Мы, мальчишки, насобираем мелочи и к нему. Он нам за эти деньги давал лодку на целый день. Как было хорошо на вёслах ходить по реке! Переплывали к Ромодановскому вокзалу, за Волгу, купались всласть. Работать же мне приходилось в ночную смену. Ну а какие силы, когда весь день гулял. Потом я перешёл на металлургический завод. Но скучно мне было везде. Мне хотелось чего-то творческого, хотелось постигать секреты мастерства, а не выполнять каждый день одну и ту же монотонную работу. Работал я и грузчиком на машине. Было такое хозяйство «Коммунстрой» с гаражом. Это мне нравилось – ездить по городу, смотреть на новые улицы, дома. Когда рассказывал о них старикам, то они меня поправляли – раньше эта улица называлась так то и так то. Я открывал для себя город. Приходил рано утром, противрал машину. Шофёр дядя Коля по прозвищу «Шлямбур», прошедший войну, иногда рассказывал всякие случаи из своей жизни. Как-то наехал он правым колесом на мину, но его спас мотор, в который вошло большинство осколков. Выпивальщик был жуткий. Тогда на Мызе строился новый мясокомбинат, а мы вели по оврагу коллектор, загоняли речку в бетонную трубу. Николай придёт на работу с похмелья, просит меня поработать, а сам спит до обеда. А вечером опять всё с начала.

В.С. Значит, в художественное училище вы пришли взрослым человеком? Но здесь, наверно, была какая-то доля случайности?

Н.М. Мне было двадцать два года. Много всего за плечами. Но рисовать всегда любил. Помню, как в школьные годы мама всегда говорила – ты будь художником. Тогда на клеёнках для продажи рисовали лебедей, деревья, небо – всё ярко, сильно, выразительно. Так это меня поражало. И вот начал пробовать тоже что-то рисовать. Постигал растушровки, смеси красок. Но затем всё это как-то ушло, стало для меня ненужным. Мой двоюродный брат Фёдор Яковлевич (его отец Яков Евграфович – брат моего отца), которому я ещё на фронт писал письма, посылал нарицательные цветными карандашами портрет Суворова, знамёна, пушки, много раз мне говорил, что надо дальше учиться. Вот он меня и заставил поступить в училище. А иначе я так бы и остался каким-нибудь работягой. Мне ведь ещё очень хотелось быть плотником. Я потом, когда художество мне не давалось, что-то не получалось, сам себе говорил – лучше бы я был плотником. Когда учился в школе, то всё строил корабли, парусники. Я читал книжки про старинные корабли, морские рассказы. Мой брат поступил в юнги, а меня не взяли из-за плохой успеваемости. И тогда я пошёл учиться в вечернюю школу, чтобы закончить седьмой класс. Закончил с трудом, тоже почти на одни тройки. Четвёрки только по географии и по истории. И вот с такими документами пришёл поступать в училище. Не прошёл. Но получил разрешение посещать занятия вольным слушателем. Только потом меня зачислили. Это было году в пятьдесят третьем. Но с первого курса меня взяли в армию, и я год служил в стройбате... Всякое было.

В.С. Не пришлось вам служба в армии по душе?

Н.М. Меня в неё забирали много раз, но всё как-то везло. Один раз вызвали в военкомат, приказали собирать вещи. Оказалось, что посылают лес валить в уссурийской тайге. Я пришёл на станцию, она раньше называлась «Сталинская», это на Сормовском повороте, нас посадили в

вагоны – получили целый эшелон. А у меня была повреждена рука, была забинтована – очень болела, и я решил, пока есть возможность, сходить в санчасть. Врач посмотрел мою рану и говорит: «Да ты что! Вы же месяц будете ехать. Тут всё, что угодно, может произойти, так что забирай документы и уходи». Я пошёл в штабной вагон, мне выдали документы и отправили домой. А ребяташки, кто тогда поехал, мне потом рассказывали, как они жили. Что там было! Никакой дисциплины. Оказалось, что их привезли не в воинскую часть, а в посёлок, где обитали бывшие зеки, вольнонаёмные, которые валяли лес.

В.С. Ну, вас Бог миловал.

Н.М. Да-а-а... Но вот сейчас вспоминаю и опять думаю – ну что мне не служилось. Ведь и во время службы в армии, когда меня всё-таки призывали, сколько совершал неправильных поступков. Всё озорство какое-то жило во мне. Строили мы в Москве на Лефортовом валу четырёхэтажное здание. Наш взвод плотников циклевал паркет. И вот уже в то время начала армия разлагаться. Сами офицеры способствовали этому. Я попросил своего командира, чтобы позволил мне учиться в вечерней школе. Тот ответил – нельзя. И вот получалось, что отработаете восемь часов, и всё остальное время мае́шьсЯ в казарме. К восьми вечера все уже разбились по группам – молдаване, узбеки, русские – и пьют водку сколько хотят. Утром команда: «Рота, подъём!» Мы, новички после карантина, вскакиваем, а все остальные лежат. Выходит старшина в нательной рубашке, с солдатским ремнём в руке, и будит роту, бьёт этим ремнём по спящим. Раз меня послали в командировку на станцию Лопосня. Это город Чехов, недалеко от Звенигорода. Там тульский батальон строил электрическую подстанцию, и на пульте мне нужно было всё аккуратно нарисовать и написать. Что там было! Я приехал несколько раньше, работы для меня не было, и тогда мне поручили пронумеровать опоры ЛЭП. Расстояние – двадцать пять километров. Ноябрь. Как такое расстояние преодолевать! Дали мне, как заверил конюх, смирную лошадь «Ласточку», выдали сухой паёк, банку с белилами, я нарезал нужные трафареты, взял торбу овса и поехал. А наездник-то я никакой. Мороз несильный, градусов двенадцать. Я делаю свою работу, и вдруг моя Ласточка упёрлась и к следующей опоре идти не хочет. Косит глазом в ту сторону, ногами перебирает и ни шагу вперёд. Я не понимаю, в чём дело, и решил её приструнить. Взял да и солдатским ремнём, который на морозе заду́бел, хлестанул её. Лошадь как взвилась и понесла по вспаханному полю, в ямках которого снег, а сверху замёрзшие глыбы земли. Я еле держусь за гриву лошади и вижу, как подо мной летит это в замёрзших глыбах поле. Страшно было, а в голове одно – только бы не вылететь из седла, удержаться и не растерять амуницию – потом её не соберёшь. Ласточка врзалась в лес (небольшой, одна поросль) – сучки трещат, обледенелые ветки по мне хлещут. Я стал уговаривать лошадь, успокаивать, и только одну мысль держу в голове – не вздумай править, пусть она идёт туда, куда знает. Так и приехал в часть... А ведь как хорошо было. Солнце, просека в сосновом лесу. Я привязал лошадь, она торбочку ест. Я сижу под ёлкой, курю. У ёлки ветки большущие, разлапистые, под ними сухо, иголки ковром – одно наслаждение сидеть. Воздух свежий. Вот и такие были похождения, когда и прекрасное, и трудное – всё вперемешку.

В.С. Почему службы был только год?

Н.М. Так ведь глаза. Когда я работал в гидромеханизации, где наша бригада из восьми человек в Сормовском затоне делала небольшие земснаряды для добычи песка, состоящие из двух понтонов и гидронасоса, то меня поставили сваривать электрической сваркой металл. Зима, мороз, а мы на улице. В одном цехе, правда, была из толстого железа печка-буржуйка. Топили её докрасна, туда мы и бегаи греться.

А работали так – бригада всей гурьбой поднимает какую-нибудь металлическую балку, а мне нужно лезть под неё со своими проводами прихватывать, и, конечно, нечаянно касался металлических конструкций, ну и вспышки попадали в правый глаз. В итоге нахватался. В армии отправили в Винницкую область, местечко Ладыж, на стрельбище. Там казармы со времён Суворова, когда он ещё Измаил брал – окна узкие, высокие, а украинские хаты белые, красивые, крыши так здорово устроены, покрытые снопочками соломы – глаз не оторвать. Стал я целиться из карабина, и оказывается, что правым глазом ничего не вижу. Отправили меня в госпиталь, а потом и вовсе комиссовали. Поэтому и отслужил только год.

В.С. И за это время приключений хватало... Но ведь ничего не предвещало, что вы станете художником. Удивительные всё-таки вещи происходят в жизни.

Н.М. Чего же тут сделаешь. Так получилось. Прожили жизнь, и всё в борьбе.

В.С. За выживание?

Н.М. С нуждой. Ой, сколько всего было... С тех пор я и не хожу ни к какому начальству. И к докторам не хожу. Потому что понял, что выпал я из этих рядов и там мне делать нечего. Это гиблое дело.

В.С. Туда подбирается совершенно особый люд, готовый жизнь потратить на то, чтобы всё организовать так, чтобы ничего не делать, никому не помогать, ничего доброго после себя не оставить. Задача любого чиновника состоит в том, чтобы всячески отбиться от принятия какого-то решения. Я, как и все мы, ещё в молодости столкнулся с этой кастой. И ведь в кабинетах сидят, вроде бы, такие же русские люди. Но если у них есть возможность хоть как-то покуражиться над тобой, прежде чем сделать то, что он обязан сделать, за что он получает зарплату, то он непременно такой возможностью воспользуется. И это отражается на всей нашей жизни. Помню своё впечатление от возвращения в Россию после своей первой поездки за границу, на Кубу в 1985 году. Так быстро, всего за месяц, привык к добрым, доброжелательным человеческим отношениям, что наше хамство буквально с первых шагов прибытия, с подхода к трапу самолёта, просто ошеломило. А далее автобус, оформление в гостинице... Словно в ужас какой-то попал, где люди заранее ненавидят друг друга. Готовы друг друга поедом есть.

Н.М. В связи с этим возникает такая мысль, что всё это сделано специально для того, чтобы русских поставить в унижительное положение, искоренить их, Россию уничтожить. Другого объяснения я не нахожу. Всё, что происходит сейчас и в церкви, и в государстве в целом (мы об этом часто забываем) – это всё должно быть. Только относиться нам к этому злу нужно по-другому, без раздражения. Вот чему нужно учиться. Не надо нам с ними воевать. У них своё дело, а у нас своё. Нам надо вести себя правильно – работать, мыслить в другом направлении, не гневаться, осуждать и воевать (это дело совершенно бесполезное), а выстраивать свою жизнь по законам правды и веры.

В.С. Совершенно с вами согласен. Зачем мы друг друга в тысячный раз убеждаем, какие они плохие и как неправильно живут. Почему мы не выстраиваем своих планов для изменения обстановки, не думаем о том, какие добрые и нужные для русской жизни дела нам следует совершить. Нет, вместо этого с упоением рассуждаем о мировом зле, убивая в этих бесконечных разговорах драгоценное время.

Н.М. Читая труды митрополита Серафима Чичагова, я натолкнулся у него на одну мысль – наш организм совершенен, он самовосстанавливающийся, самоочищающийся, только не надо его засорять, не надо

мешать ему работать. И я подумал – а ведь так и во всём, и во всяком искусстве, и в духовной сфере – то же самое происходит. Это очень серьёзная мысль. Такому жизненному принципу всем нам необходимо придерживаться. Независимо ни от каких обстоятельств держать это направление. Надо избегать гнева, и тогда всё будет ровней и ровней, правильнее.

В.С. И в духовной сфере – чем больше мы говорим о негативном, тем больше сами себя разрушаем, тем больше поддаёмся его влиянию. И главное, что об этом разрушении в духовной сфере как-то не принято говорить. Либералам – тем всё смешно, а важно лишь одно – деньги. Нашли себе абсолютно вздорную, ложную цель, ведущую в никуда – бесконечное зарабатывание денег. Мы уходим в другую крайность, бесконечно рассуждая, как они не правы. Но раз мы в этом уверены, то не говорить об этом надо, а действовать, совершать поступки, творить дела.

Н.М. Так они нас кормят этой неправдой, этими ложными жизненными ценностями. Они забивают наши головы информацией отрицательного значения. И чем больше мы насыщаемся этой информацией, тем делаемся беспомощнее. Мы же не в состоянии противостоять этой лавине.

В.С. Но для чего-то Господь разделил нас. Мы живём иначе не потому, что разумом взяли и решили так жить. Ведь сопротивление всей этой мерзости коренится где-то внутри нас. Мы живём иначе, потому что жить так, как живут они, не можем. Даже если мы совершим насилие над своим духом и попытаемся себя переменить, нам это не удастся (в лучшем случае) или приведёт к духовному разрушению и физической гибели (в худшем). Видимо, наши глубинные внутренние потребности иные. Когда я смотрю, на что многие тратят великий дар, который им дан – жизнь, то горько становится. Приобретают какие-то безделушки, бесконечно меняют машины, гоняются за брендовыми тряпками. Но ведь все мы смертные и в конце пути, когда оглянемся на прошлое, то что увидим?.. Ну, давайте представим, что всё это барахло мы выбросили из своей жизни, и что тогда для нас, в серьёзном смысле, вечном, изменилось?.. Ничего! И оказывается, жизнь можно прожить иначе, посвятить её приобретению иных ценностей. Вообще, я пришёл к выводу, что всё, что связано с деньгами, – это какой-то огромный, бесконечный обман. Будто человека специально, сознательно увели от настоящих ценностей к искусственным. Как того ослика, которому перед носом повесили морковку. Он бежит, пока не сдохнет, но до этой морковки всё равно никогда и не доберётся.

Н.М. Ну хорошо, решили взяться за дело. А с чего начинать? Надо с себя.

В.С. Конечно. Но здесь есть ещё какая-то высшая избранность. Многие об этом не задумываются не потому, что они какие-то плохие, а просто им это не открыто. Это так же, как и вера. Я иногда задумываюсь над тем, насколько люди, принявшие на разном уровне, с разными способностями веру, счастливы. Потому что им совершенно по-другому открывается мир. Они по-другому себя ощущают в нём. И здесь ведь никого не переубедишь, не заставишь поверить, никому ничего не докажешь. Тут есть только одно – либо это понимание открывается человеку, либо нет. И почему это открытие в одном случае происходит, а в другом нет – тоже непостижимая тайна. Ясно одно – случайность тут исключена. Во всём закономерность. Но давайте опять вернёмся к вашей жизни. Признаюсь, ещё задолго до знакомства с вами, с конца семидесятых годов прошлого века я уже слышал имя художника Николая Мидова как одного из лучших у нас графиков, оформителя многих книг Волго-Вятского книжного издательства.

Н.М. Мы тогда много работали. Только ведь за счёт этого прожить было невозможно. Потому халтурили в колхозах, совхозах, расписывали церкви. Издательство однажды дало нам бумагу, что отправляет в творческую командировку и просит все органы власти нам помогать. И в районах нас хорошо принимали. Райком партии определял в какой-то колхоз, мы изготавливали там наглядную агитацию, получали за это деньги и продолжали тут же жить, только занимаясь своим творчеством. Когда деньги заканчивались, опять куда-то ехали работать. В местном художественном фонде была артель крепких художников, деливших хорошую работу между собой, а таких, как мы, они к этой кормушке не подпускали. Нам доставались шрифтовые работы, оформление музеев. Но на них тоже не проживёшь. Потому опять уезжали на заработки. У одного из наших художников отец был священником. Его духовник жил в Троице-Сергиевой лавре. Он нас благословлял на поездки в Ярославскую, Ивановскую, Владимирскую области подновлять росписи в церквях. Мы их промывали, что-то реставрировали.

В.С. Видимо, тогда же возникла идея создания тех офортов, на которых в современные уличные пейзажи вы поместили когда-то утраченные часовни, церкви, монастыри, и тем самым дали нам, зрителям, возможность увидеть город, как бы он выглядел, не будь этих утрат?

Н.М. Тут ведь вот что происходит – я ограничен размером листа, холста. Человеческий глаз видит самую малую часть окружающего мира. Мы в основном воспринимаем его внутренним взором. Образ, воспринятый нами внутренним взором, – главный и значительно отличается от непосредственного зрительного восприятия окружающей среды. Поэтому в картине, чтобы добиться зрительного эффекта, мы пространство сжимаем, кособоры делаем круче, чем они есть на самом деле, и ещё допускаем массу всяких искажений по сравнению с реальностью. Не искажаем же только воспринятый внутренним взором образ природы ли, города ли. И тогда зритель, который тоже сердцем воспринимает всё окружающее, верит в то, что изображено на наших картинах. Верит, что это и есть действительность. Поэтому, когда я рисую свой город, то я его и восстанавливаю в исторической справедливости, и в то же время не документально списываю с натуры, а передаю его истинный образ. И люди эти места узнают, воспринимают их как бы вне времени. Причём к этим размышлениям я пришёл недавно, а до этого всё делал интуитивно. Мне хочется изобразить Нижний Новгород таким, как если бы он развивался естественно, не теряя своих памятников и сохраняя свою красоту. Именно такой образ мне хотелось сохранить. Не знаю, насколько мне это удалось.

В.С. Ваши работы совершенно неповторимы, ни на чьи другие не похожи. Я как-то у себя в редакции показал приезжим из Москвы коллегам ваши офорты, и они были просто зачарованы ими. Так что ощущение города, о котором вы только что говорили, вам удалось передать в полной мере. И всё-таки совершенно непостижимо, откуда берёт художник эти образы.

Н.М. Я и сам не знаю. Иногда сидишь, размышляешь о чём-то, а рука сама рисует. У меня на листах изображено много разных лиц, которые затем, трансформировавшись, перешли в какую-то другую картину. Иными словами, я не знаю, откуда это всё берётся... Я делал такие эксперименты – рисовал в отсутствии себя. Чтоб вы поняли, о чём я говорю, – это всё началось с психушки. Как-то раз сорвалось у меня всё, и я полетел. Вот после этого и началось – улетаешь мыслью в какие-то пространства, которые пока тебе понятны, но затем вылетаешь в ту область, которую ты не знаешь. То есть разумом ты её постичь не можешь, потому что это пространство чужое, непонятное. И вот тут стараешься возвратиться обратно, вернуть себя на землю. Это очень опасное пу-

Сердце zelo вольные изменяем
ничто его на добро или на зло

тешестве. Но в то же время оно освобождает тебя, отрывает от земли, и в это время что-то рисуешь, хотя мыслями отсутствуешь. И получаются рисунки совершенно необыкновенные. Откуда эти образы приходят – непонятно. Бывает, просто чем-то озабочен, о чём-то думаешь, а в это время на листе рисуешь какую-то композицию. Но самое главное, если Бог даст мне время и силы, то мечтаю закончить именно город. Хотя разве можно его закончить. Всё меняется, приходят новые сюжеты. Едешь в автобусе и вдруг что-то увидишь, приходит новый образ, и думаешь – интересная получилась бы картинка. И от неё уже никуда не денешься – она преследует тебя, присутствует в тебе. Надо рисовать. Я уже давно не мечтаю сделать какой-то альбом по городу. Более того – понимаю, что это и не нужно. Просто продолжаю работать. В моём детстве у нас был сосед Алексей Иванович Шагалов. Фронтовик. В первую очередь он меня, конечно же, научил пить вино. Сделал из лака какой-то напиток, цветом больше похожий на сильно разбавленное молоко, налил мне целый стакан этого спирта и сказал – пей! Сам же он страдал язвой желудка. Спать не мог, всю ночь сидел в коридоре на сундуке, а утром шёл на работу. И так он мучился, что каждый день стал пить этот спирт, чтобы умереть. Но вышло наоборот – благодаря спирту язва затянулась. Он выздоровел. После этого пить стал в меру. Но я запомнил очень важные его слова – всегда надо работать. Без толку жить чего, надо дело делать, к которому ты приставлен, которое тебе дано. И вот этот его второй урок я запомнил на всю жизнь – надо постоянно трудиться. Иногда тяжело что-то начинать, сил вроде бы нет, а как себя поборешь, начинаешь работать... и вроде бы как воскрес.

В.С. Это самое худшее чувство, когда вечером оглянешься на прожитый день, и подумаешь – ничего путного не сделал.

Н.М. Бывают такие дни. Но после того, когда эти слова произнесёшь, потом сам себя и упрекнёшь – как же ничего не сделал? Сделал! Даже то, что об этом подумал, уже дело. Вот эта мысль пришла, ты её воспринял – это тоже работа. Ведь она заключается не только в том, что сделано руками. Мысль – это тоже труд, тоже дело, и очень плодотворное.

В.С. Когда вы впервые осознали себя человеком верующим? Что вас к этому подвигло?

Н.М. Да, долгое время я был воинствующим безбожником. Помню, к маме часто приходила бабушка Александра из дома напротив, и однажды она, обращаясь ко мне, сказала: «Коля, ты бы к церковке-то поближе...» На что я ей гордо ответил: «Нет, мы уж как-нибудь сами». И до сих пор помню её огорчение после такого моего ответа. О маме и говорить нечего. Но всё Господь как-то устраивает. И в одно время я вдруг увидел мир совсем по-иному. Стоит дерево, и я будто даже чувствую, как по его стволу соки движутся. Поразило осознание того, как ладно устроен мир, всё в нём живёт, не ссорясь друг с другом. Это открытие меня буквально потрясло! А душа-то неспокойна, она всегда в тоске, какая-то тяжесть её мучает, боль. Скорбит душа, а одуматься всё некогда, надо заниматься всякими неотложными делами, успеть сделать одно и другое, подготовить документы для вступления в Союз художников, выполнить заказ в издательстве, с кем-то встретиться. Одним словом круговерть и суета. И вдруг вот такое открытие во мне самом. Я стал присматриваться к людям и с удивлением обнаружил – и люди-то все разные. А тут ещё познакомился с отцом Евгением Юшковым. Тогда он учился в нашем художественном училище года на три впереди меня. Но когда начали вместе работать в художественном комбинате, то я чувствовал, что с ним мне спокойнее, ровнее и яснее. Так через какое-то время я осознал – надо верить, иначе будет плохо, не найдёшь покоя. Этого покоя и сейчас, конечно, нет, да я чувствую, что и нигде мне этого покоя не будет. Но зато сама жизнь приобрела определённую и ясность.

В.С. Сейчас хотя бы понятно, отчего нет покоя. А в жизни без веры нет покоя от духовной пустоты... Понимаю, что, может быть, этот вопрос прозвучит банально, но для творчества обретение веры очень важно?

Н.М. Конечно.

В.С. Как это объяснить?

Н.М. Нужно заглянуть в себя, в своё сердце, а этого сразу не происходит... Ясно одно – сейчас, когда трудно войти в рабочее состояние, я прошу: «Господи, благослови сделать эту работу». И вот как благословение возьмёшь, то и работа начинает спориться. А так... Конечно, это состояние трудно объяснить словами. Когда я начал читать Псалтирь во Владимирской церкви (первый раз туда пришёл), то какое удивительное чувство испытал! Будто я песчинка, но и неотъемлемая часть чего-то большого, и в этот момент соединяюсь, прилепляюсь к этому необъяснимому, но неограниченно великому. Именно когда начал читать Псалтирь, я испытал это чувство.

В.С. Как получилось, что вы попали в эту церковь?

Н.М. Однажды увидел объявление, где предлагалось – кто хочет читать Псалтирь, позвоните по телефону. Я позвонил. Мне ответили – приходи в среду к такому-то часу. Я пришёл, да книгу забыл – не знал, как всё это происходит. Пришлось зайти к сторожу, взять у него Псалтирь на старославянском. Отец Наум, у которого я бывал, всегда говорил, что и Псалтирь, и Библию надо читать на старославянском. И до сих пор, когда у него бывают художники, он их спрашивает – есть у тебя Библия? Нет – возьми, но читай.

В.С. Он имеет в виду и все книги Ветхого завета, не только Евангелие?

Н.М. Все. Один человек мне говорил – читаю каждый день по благословию из Псалтыри по две кафизмы. И один раз открыл его на себя, определив посмотреть одну из строчек на случайно открытой странице. И получил от прочитанного удивительное успокоение. Но для этого, чтобы испытать подобное чувство открытия, нужно войти в определённое состояние, такое, что твой ум будто рассеянный, будто растёкшийся во всём, во всех пространствах. Вот тогда, когда человек входит в такое состояние, для него и открывается нечто особенное. Когда подобное пытаются получить от рассудка, то ничего не происходит. Об этом состоянии очень сложно рассказать, как-то его обрисовать, выразить словами... А, может быть, нам и не надо этого делать, не надо пытаться разгадать, откуда это состояние берётся, от чего.

В.С. Если вы в семидесятые годы прошлого века ездили по церквям, то, значит, к тому времени уже сформировался особый круг художников русского православного мировоззрения. Ну, отец Евгений Юшков – это понятно. Он из священнической семьи, его отец, братья – все приняли сан. В итоге и он сам пошёл по этой же стезе. Но, значит, были кто-то и ещё?

Н.М. Да, некоторые в Строгановском училище учились. Там даже такой случай произошёл – преподаватели узнали, что среди студентов есть такие, которые ходят в храм. В итоге директор Строгановского училища так разгневался, что топал ногами и кричал: «Бога нет, Бога нет!» «Но если Его нет, то чего же так гневаться, – задали себе вопрос некоторые студенты. – Значит, надо проверить, разобраться в этом вопросе». И вот все вместе шаг за шагом они двинулись по пути познания веры, православия. Мы вместе даже собирались ехать к отцу Александру Меню, но с этим что-то не получилось.

В.С. И кто входил в этот круг?

Н.М. У нас сформировалась своего рода артель – Людмила Журавлёва, Галина Скотина, я, ещё некоторые художники. Бригадиром считался отец Евгений Юшков.

В.С. Ну да, коль вы обновляли церкви, реставрировали их, разговаривали со священниками, то невольно что-то в духовной жизни вам начинало открываться. Тут произошло удивительное – люди искали заработок для приобретения пищи телесной, земной, а нашли пищу духовную.

Н.М. И всё происходило естественно, открывалось через совершенно бытовые мелочи. В Ярославской области в деревне Городищи жили отец Павел Поздеев с матушкой Ангелиной. У них было десять детей. Отец Павел служил в церкви иконы Смоленской Божией Матери, но и увлекался хоккеем и футболом, ездил в Ярославль на разные матчи. В итоге он у себя в совхозе, где было два пруда, организовал хоккейную команду. Зима, батюшка в фуфайке, коньки прикручены к валенкам, клюшка в руках, борода развеивается, а он мчится в атаку. Матушка за ужином, бывало, заплачет – владыка не велит ему играть, а он играет, не слушается. Но ведь и это жизнь. Как-то сидим на колокольне, отдыхаем, и вдруг видим, как по улице движется стог. Ни лошади, ни машины рядом нет. И только когда к церкви стог подъехал, мы увидели, что это батюшка на «Ниве» всё везёт. Жердей на багажнике настелил, а поверх погрузил сено. Вот такой был творческий человек отец Павел. И сам же он ремонтировал храм. Как-то мы с отцом Вячеславом ездили в город Тутаев (Романов-Борисоглебск), – там московские художники реставрировали старинный, никогда не закрывавшийся Вознесенский собор. В нём хранился образ нерукотворный размером три на три метра. Под ним люди пролезали, чтобы получить Божье благословение. А вечером мы отправились на пароме через Волгу в Покровское. Староста нам открыл храм, а там святынь!.. Церкви тогда в хрущёвское время закрывались, и мощи, чудотворные иконы – всё свозили в этот храм. Иконы стояли одна за другой. Затем нам показали ещё одну местную достопримечательность. Вышли мы из церкви и пошли по тропке вниз к реке. Стоит домик окна в четыре, красивый дымник на трубе, старинные резные ворота, скамеечка у палисадника с резной спинкой, на которой написано: «Это что – стоять за правду, ты за правду посиди». Хозяин дома отсидел десять лет в лагерях, вернулся и такой афоризм выдал. Тоже особая судьба у человека. И вот мы по Волге идём оттуда на «Метеоре», проплываем мимо Городищ и видим – на высочайшем шпиле колокольни висит отец Павел и его красит. Маленький такой человечек на огромном шпиле. Такой это был священник – смелый, сильный. Когда к нему ездила Галя Скотина, то батюшка её благословил отправиться в какой-то сибирский монастырь для выполнения работы. Она поехала и встретила там, в иконописной мастерской сына батюшки, которому я когда-то давно привозил краски и учил рисовать. Так мир тесен. И он помнил, как мы раньше к ним приезжали, обрадовался. Хорошо нам было в те времена, всё мирно, в согласии. Только трудись.

В.С. Украшай землю и свою жизнь. Когда же всё подчинено только зарабатыванию денег, то вместо красоты порождаем уродливость, заваливаем пространство вокруг себя, всю землю различным ненужным хламом, гоним себя неведомо куда ради призрачных достижений. А что человеку нужно, много ли?

Н.М. Галина у нас была мастером по монументальной живописи. Это сильный, смелый художник. Ей уже тоже семьдесят шесть лет, а она продолжает работать, оформляет книги для Московской Патриархии.

В.С. Я помню, как в далёкие восьмидесятые годы покупал своим детям маленькие изящные книжечки в её оформлении.

Н.М. Как художник, она всегда была очень сильной и смелой. В церкви стоят строительные леса в три яруса, огромная стена в трапезной, и надо на ней нарисовать какой-то библейский сюжет, например Рождество Богородицы. У Галины в руках рейка, на конце которой привязан уголь. И вот она подойдёт, посмотрит на эту стену, затем поднимется на средний ярус лесов и начинает рисовать.

В.С. Всю композицию в этом пространстве уже видит?

Н.М. Держит в уме и рисует. Конечно, какие-то ошибки бывают, она их потом исправляет, но всю основную картину Галина видит сразу. Это надо быть очень смелым человеком, чтобы такую махину начинать рисовать без всяких сомнений. Потом поправит немного, и мы начинаем делать раскраску.

Николай Павлович встаёт, уходит искать книгу, оформленную Галиной Алексеевной Скотиной. Громко тикают на стене старые часы с гирьками на цепочках. Сквозь узкие окна в бытовую комнату мастерской, которая находится на шестом, дополнительном этаже стандартного кирпичного жилого пятиэтажного дома (привет ещё от советских тучных времён), смотрит тёмное, беззвёздное ночное небо. Тихо, умиротворённо в этой большой комнате, где за чаем мы вели свой долгий, неспешный разговор. На стенах под невысоким потолком висят картины (подарки друзей) и дорогие сердцу хозяина фотографии священников, родных и близких. На подоконнике у стола стопки книг русских философов, писателей, сборники стихов русских поэтов. Это детали быта, в окружении которых создаёт свои произведения, творит замечательный и честный художник Николай Павлович Мидов. Всё в этой комнате дышит сосредоточенностью и любовью. И только ветер за окном не даёт покоя вершинам старых берёз, слабо освещённых проникающим из мастерской электрическим светом.

Нижний Новгород, мастерская художника.

15 февраля 2013 г.

Как видите, со времени первой публикации этого текста прошёл большой срок. После его подготовки к печати, я уже не помню, спустя сколько времени, но это было неоднократно, мы говорили с Николаем Павловичем о том, что надо бы его рабочие материалы передать в фонд журнала «Вертикаль. XXI век» в Нижегородском областном архиве.

Только в июне 2021 года мне была принесена просто неподъёмная сумка от Н.П. Мидова, набитая записными книжками, блокнотами и прочими бумагами. Первое, что бросилось в глаза, когда перелистал лежащие сверху блокноты: невероятно интересные рисунки и наброски, графика разных лет. Это творческий кладёзь, который просился на страницы журнала. Жалко было прятать обретенное творческое богатство под спуд – когда ещё у исследователей дойдут до этих бумаг руки.

И вот теперь наш журнал являет их свету.

Я благодарен замечательному нашему художнику и за его служение искусству, и за его глубокие раздумья о жизни, и за преданность творческой мысли. Верю, что труды, созданные во имя человека, не пропадут даром и не будут забыты.